

Д. С. ПЛАТОНОВ

ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Статья рассматривает отношение эмигрантов к февральским историческим событиям 1917 года. Автор показывает неоднозначность термина «революция» применительно к Февралю 1917 года. Для раскрытия темы используются материалы словарей; журнальных статей и монографий, написанных в эмигрантской среде.

Ключевые слова: революция, смута, переворот, термин, аналогия, словарь.

Одна из уникальных способностей времени – это постоянная изменчивость как его самого, так и окружающей нас действительности. Постепенно меняется не только восприятие и понимание исторических событий, но и тех дефиниций, которые, казалось бы, не должны быть подвластны времени. По этой причине история понятий интересна ничуть не меньше, чем сама история: так как, с одной стороны, вместе с ходом истории модифицируется любой термин, а с другой – изменение содержания понятий наполняет исторические события новым смыслом, придавая им ранее неизвестные оттенки. Содержание терминов можно проследить практически на любом письменном историческом материале, начиная от словарей и заканчивая публицистическими статьями (призванными формировать общественное мнение) и источниками личного происхождения. Однако полученный результат будет не одинаков. Словари, в основном, закрепляют за понятиями общепринятые значения, не зависящие от восприятия отдельно взятого человека, что во многом упрощает, а зачастую и вовсе схематизирует действительность. Но историческое полотно гораздо богаче и сложнее, поэтому каждый раз важно уточнить содержание терминов. Это видно на конкретных примерах, в частности, на примере термина «революция», поскольку это явление разноплановое и в разное время интерпретировалось по-разному.

Со времени существования Советского Союза за историческими событиями февраля 1917 г. твердо закрепилось определение революции. Это событие определялось как «буржуазно-демократическая революция в России, свергнувшая самодержавие и явившаяся важнейшим этапом на пути к Окт. социалистич. революции»¹. Данное определение больше характеризует взгляды советских ученых эпохи застоя, чем отражает исторические реалии.

¹ Советская историческая энциклопедия. Т.14. 1973. Стлб. 984.

В период перестройки под революцией в широком смысле слова подразумевали «коренной переворот в жизни общества, который приводит к ликвидации отжившего общественного и политического строя и передаче власти в руки передового класса»². Практически такое понимание революции остается господствующим и в наши дни.

В дореволюционную эпоху, из которой вышли все представители Русского Зарубежья, под революцией понимали «полный и притом если не внезапный, то, по крайней мере, весьма быстрый переворот во всем государственном и общественном строе страны, обыкновенно сопровождаемый революционной борьбой. Последнее, однако, не признается безусловно необходимым... Революцией можно считать и захват власти несколькими лицами или одним лицом (так наз. государственный переворот), если он влечет за собой решительную перемену в правительственной системе и общественных отношениях...»³. Это определение революции было широко распространено.

Однако, как показывает практика, для авторов Русского Зарубежья этот термин не был однозначным: они вкладывали в слово «революция» разное содержание, что послужило благоприятной почвой для всевозможного рода дискуссий в эмигрантской среде. Для одних революция сводилась к политическому явлению, для других – к социальному (борьбе классов) или к духовному. Каждый из авторов толковал это событие со своей точки зрения: исторической, социальной, философской. Именно от понимания революции зависит отбор и выстраивание исторического материала, вследствие чего образ исторических событий приобретает разные конфигурации. Этот тезис можно подтвердить несколькими примерами, заимствуя их как из исторических монографий, так и из лекций и публицистических статей. Исторические источники, рассматриваемые в данной статье, представляют интерес, так как им в историографической литературе было уделено наименьшее внимание.

В трудах историков-эмигрантов события не только Февраля, но и всего 1917 года находили исторические параллели в отечественной истории. Например, у П.Б. Струве 1917 год ассоциировался с российской смутой начала XVII века: «то же духовное шатание не только народных масс, но и высших классах, то же использование чужеземцами внутренней борьбы»⁴, а также «отсутствие нравственной твердости и подлинного патриотизма в высших классах, слабость национального сознания в

² Ожегов. 1990. С. 671.

³ Брокгауз, Ефрон. Т. XXVI. №51. 1899. С. 437.

⁴ Струве. 1921. С. 21.

классах средних, анархическая настроенность народных масс»⁵ и др. Тем не менее, «расшатав государство, смута не произвела никакого социального переворота и в этом смысле не была вовсе революцией»⁶. Различие между смутой и революцией как раз и заключается в особом понимании автором последней. «Бунт или смута отличаются от удачной или законченной революции лишь тем, что последняя осуществляется или овеществляется, реализуется или объективируется в каком-то новом праве, а первые к таким достижениям не приводят или приводят лишь в частичной степени»⁷. Понятие революции в интерпретации П.Б. Струве сильно сопрягается с понятием права. «Революция есть нарушение непрерывности правового развития общества, становящейся исходной точкой нового правообразования... Революция есть бунт, коему присущ умысел быть или стать правообразующим фактом или еще короче: *удачная или законченная революция есть бунт, ставший правом*»⁸.

С этих «теоретических» позиций автор подходит к пониманию революции и шире – к истории отечества. Наиболее отчетливо, но в то же время в сжатом виде, концепция истории России нашла свое воплощение в труде П.Б. Струве «Размышления о русской революции» и в статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи», где автор делает большой акцент на взаимоотношения государства и общества. Земский собор, как сословно представительный орган, выросший рядом с царем после смуты, так и не сыграл большой роли в государственной жизни страны, не ограничил самодержавие, и сошел с исторической сцены во второй половине XVII в. Поэтому в XVIII в. Российская империя «была государством, в котором царил единая воля Монарха и только она. В этом таилась для государства величайшая опасность, которая раскрылась лишь в конце XIX века, когда созрели глубочайшие противоречия, обусловленные фактом существования в России, в течение веков, государственной формы неограниченной монархии»⁹. В первой половине XVIII века появилась возможность исправить сложившуюся ситуацию, но при Анне Иоанновне этот шанс оказался упущенным. Избрание на престол племянницы Петра I сопровождалось «кондициями», которые в значительной степени ограничивали власть монарха и могли бы послужить толчком к введению конституции, разработанной князем Д.М. Голицыным. Конституционные проекты и «кондиции» были при-

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Струве. 1923. С. 304.

⁸ Там же. С. 303.

⁹ Струве. 1921. С. 24.

влекательны тем, что содержали в себе юридические гарантии прав человека и идею об «участии населения в государственном строительстве». «В постепенном осуществлении этих начал, в постепенном распространении их на все более и более широкие круги населения заключается гарантия мирного и здорового развития государственности»¹⁰. Тем не менее, история России пошла по другому пути: Анна Иоанновна не сочла нужным считаться с подобными условиями, и тем самым верховная власть отказала обществу принимать какое-либо участие в политической жизни страны. Подобная государственная политика с течением времени постоянно увеличивала разрыв между самодержавием и народом, что и стало основной причиной революции 1917 года.

Соотнося революцию 1917 г. с Французской революцией 1789 г. и русской смутой XVII в., Струве пришел к интересному выводу. Основное отличие между двумя революциями состоит в том, что «Французская революция не только провозглашала идеи, но несмотря на реакцию, к которой она привела, в этой реакции и осуществила свои идеи. Не то в русской революции. Все, что от нее останется, противоречит идеям, ею провозглашенным... Словом, ничего из идей этой революции не осуществилось, а все, что подлинно осуществляется, противоречит ее идеям. Вот почему русскую революцию 1917 и следующих годов следует сблизить, по ее характеру и по соотношению в ней идей и действительности, не только и даже главным образом не с великой французской революцией, а с русской смутой XVI–XVII вв., ибо в нынешней русской революции, как и в первой смуте, осуществляется нечто с этим движением, как таковым, ничего общего не имеющее»¹¹. На основе этого можно сделать вывод о том, что для Струве эталоном революции (по форме и содержанию) была Французская революция 1789 г., поэтому события 1917 года, хоть и являются революцией, но по характеру проведения представляют собой русскую смуту в чистом виде.

Почему люди в критические моменты истории пытаются искать аналогии в прошлом? На этот вопрос отвечает монархист умеренного толка Т.В. Локоть – доктор агрономии, профессор сельского хозяйства и лесоводства: «В переживаемый момент русские люди невольно ищут аналогии в русской истории, стремясь почерпнуть веру и надежду, что и страшные разрушения нынешней революции окончатся для России не политической смертью, а воскресением и новым усилением мощи и могущества»¹². В связи с тем, что работа «Смутное время и революция...»

¹⁰ Там же. С. 26.

¹¹ Там же. С. 33.

¹² Локоть. 1923. С. 3.

была закончена автором в августе 1922 г., в ней отразились надежды и чаяния большинства представителей русского эмигрантского общества тех лет, когда еще было не совсем ясно, куда может повернуться колесо мировой истории. На эмоциональном уровне параллель автора вполне естественна. Посмотрим, как Смутное время и революция соотносятся на концептуальном уровне.

Не углубляясь во все детали исторической концепции ученого, следует отметить, что, по мысли автора, процесс зарождения «дворянской оппозиции» монархии начинает складываться со времен правления Александра I. Дворянство как опора самодержавия, существовавшее на протяжении последних двух веков, должно было уступить место более широким слоям населения. Назревший кризис смог разрешить Александр II, не революционным, а эволюционным путем, проведя в 1861 г. главную социальную реформу, и это особенно подчеркивает автор. Но либеральная оппозиция, требуя от власти «революционных способов «самоограничения»», «незаметно переходила в революционную оппозицию (курсив мой – Д. П.), сливаясь с ней и, попытавшись в феврале 1917 г., действовать заодно с ней..., приняла участие в революционном уничтожении государственной власти...»¹³.

Конечно, автор полностью не отождествляет события Смуты XVII в. со «Смутой XX века», понимая, что аналогий «по внешним формам» можно привести «сколько угодно», но «история не повторяется, а развивается»¹⁴. Но в чем тогда заключается основное сходство двух исторических событий? «Первоисточник Смуты XX века..., как и в Смуте XVII века, коренится в неизбежности процесса социальной перегруппировки сил, на которые должна опираться Верховная Власть государства»¹⁵. Поэтому «основным сходством этих двух крупнейших моментов в истории русской государственности является стремление народа найти и дать более широкую, более национальную политическую опору Государственной Власти – в интересах и Государства, и Народа»¹⁶.

Иначе смотрел на февральские события 1917 г. И.Л. Солоневич. Для него революция «есть широкое, народное и насильственное движение, направленное к свержению или, по крайней мере, к изменению существующего государственного и социального строя. С этой точки зрения настоящими революциями были и Великая французская революция

¹³ Там же. С. 99.

¹⁴ Там же. С. 8.

¹⁵ Там же. С. 63.

¹⁶ Там же. С. 94.

и русская революция 1905 года»¹⁷. В статье «Великая фальшивка Февраля», охватывая историю России последних 15-20-ти лет перед февральскими событиями, автор считает, что основной узел противоречий заключался не столько в политической, правовой и экономической, сколько в социальной сфере. К концу XIX в. в Российской империи сформировались новые «энергичные» и «хозяйственные» слои общества, в руках которых оказывались немалые экономические средства, и которые стремились принимать активное участие в политике. Но старый правящий класс препятствовал этому. В 1905 г. опасность окончательного вырождения и банкротства старого правящего класса не была столь очевидна, а столыпинская реформа еще не была проведена, поэтому правящий слой посчитал целесообразным оставить монархическую форму правления. С течением времени мысль о заговоре начинала воплощаться в жизнь. Ее подготовили и реализовали «правые», а не «левые». Автор, выражаясь образно, показывает, что «без военных верхов «дворцовый заговор» пяти московских купцов остался бы стопроцентной маниловщиной»¹⁸. Для этой цели весь Петроград был превращен в «пороховой погреб». Конечно, ни Государственная Дума, ни левые силы не в состоянии были проделать подобное; а «детонатором» в этой истории послужил случайный хлебный бунт «чухонских баб» 23 февраля 1917 года.

Знал ли о готовящемся заговоре император? У И.Л. Солоневича нет указания на осведомленность Николая II в этом вопросе. Царь все свои силы отдавал на театре военных действий: командование армии, решение дипломатических отношений и др. трудности не только во внешней, но и во внутренней политике привели в конечном итоге к тому, что Николай II «допустил **роковой** недосмотр: **поверил** генералам Балку, Гурко и Хабалову. Именно этот **роковой недосмотр** и стал исходным пунктом Февральского **дворцового переворота**»¹⁹. Таким образом, оценивая и определяя Февраль 1917 года, автор пришел к выводу, что это «почти классический случай военно-дворцового переворота, уже потом переросший в март, июль, октябрь и т.д.»²⁰, а генералитету в февральских событиях отводится главная роль.

Работа Солоневича показала, что дворцовый переворот, организованный правящими кругами и военными путем заговора, революцией не является, а может быть только прелюдией к ней. Эту разницу зафиксировал

¹⁷ Солоневич. 2007. С. 334.

¹⁸ Солоневич. 2007. С. 382.

¹⁹ Солоневич. 2007. С. 363.

²⁰ Там же. С. 372.

ровали словари. «Так назыв. дворцовые Р. – т.е. захват власти каким-либо высокопоставленным лицом, отнимающим ее от другого лица, при помощи интриги или заговора лиц, принадлежащих к правящему классу, – не составляет Р. в точном смысле этого слова»²¹. В этом пункте «теория» и «практика» полностью совпали.

События Февраля 1917 г. в повествовании историка С.П. Мельгунова предвараются разными планами дворцовых заговоров, а революция в ее классическом варианте началась позже – в марте того же года. Мысль о заговоре вращалась не только в военных и правящих кругах, но и частично просачивалась в общественную среду. В монографии историка «На путях к дворцовому перевороту...» можно выделить как минимум две линии, породившие заговорческие планы, внутри которых было множество течений. Первая из них была распространена в обществе и в великокняжеской среде уже с осени 1916 г., но она «свидетельствовала больше о растерянности, чем о серьезных планах»²² и к моменту решающих событий начала 1917 г. «сама по себе скоро заглохла».

Более реальные и организованные проекты выходили из военной среды, их идейным вдохновителем был А.И. Гучков, но не он один. Большую роль в этом процессе играли Некрасов и Терещенко, так как «через Терещенко проходят нити к Родзянко и к великосветским кругам. Некрасов связывает заговор с думскими сферами и с партией, в которой он состоял и занимал видное положение... Некрасов связывал, таким образом, дворцовый переворот с социалистической частью демократической общественности»²³. Из этой цитаты следует, что не только Государственной Думе, но и отчасти «левым» были знакомы планы готовящегося заговора. В добавление к этому следует отметить, что создавшиеся масонские ячейки, по мнению С.П. Мельгунова, служили проводником между общественным мнением, которому они должны были придать черты организованности и единства, и разными группами заговорщиков. Таким образом, с конца 1916 – начала 1917 г. «речь шла уже о заговоре в стиле дворцовых переворотов XVIII столетия, при которых не исключалась возможность и цареубийства»²⁴.

И наконец, не только Департамент полиции знал о революционных настроениях в обществе, которые росли по мере действий Николая II (принятие поста главнокомандующего во время второй мировой войны,

²¹ Брокгауз, Ефрон. 1899. С. 437.

²² Мельгунов. 2007. С. 178.

²³ Там же. С. 222.

²⁴ Там же. С.141

похороны Распутина в Царском Селе и др.), но и сам император был осведомлен о складывающейся внутривластной ситуации в стране. Не столько пассивность, сколько «особого рода фатализм» правительства в общем, и царя в частности «объясняет нам причину, почему февральские дни с такой легкостью превратились в революцию»²⁵.

Однако исторические события февраля 1917 года развернулись совершенно не так, как их планировали. Если они «навалились нежданно», застав все русское общество «в состоянии растерянности и неподготовленности», что все-таки произошло в феврале? Мельгунов наполняет термин «революция» особым содержанием. Для него «общество и народ на короткий миг как бы сливаются. Всякие хитроумные политические комбинации оказываются уже запоздавшими. Это и называется революцией. Происходит братание народа и армии. Рождается энтузиазм, скороспелый, может быть, наносный, искусственно вызванный, но все же стихийный»²⁶. Из концепции историка следует, что роковые события февраля 1917 года произошли по случайному стечению обстоятельств, поэтому Мельгунов скептически относится к концепциям тех авторов, которые искали причины февральской революции 1917 г. в отечественной истории задолго до ее осуществления. «Философы истории будут искать корни в глубоком прошлом русского народа и, быть может, за много десятилетий до революции найдут те основы развернувшегося кризиса, которые не давали надежды на мирный исход... Все эти тонкости человеческого ума, игра мысли и воображения не объяснят нам ни хода февральской революции, ни причин ее происхождения»²⁷.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что общепринятое определение слова «революция», фиксированное словарями, далеко не было однозначным в среде эмигрантов, как и события февраля 1917 года. Каждый из авторов вкладывал в них определенное, отличное от других содержание, вытекающее из исторической концепции, которой он придерживался. Авторское понимание содержания термина иногда влияло на трактовку события намного больше, чем политическая ориентация и приверженность историка к тому или иному идейно-культурному течению, потому что от него зависел отбор, систематизация и распределение исторического материала внутри повествования и логика самого интеллектуального построения; а от двух последних — отношение, оценка и позиция по отношению к предмету исследования.

²⁵ Там же. С. 235.

²⁶ Там же. С. 252.

²⁷ Там же. С. 250-251.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Брокгауз А., Ефрон А.* Энциклопедический словарь. Т. XXVI. № 51. СПб., 1899.
- Локоть Т.В.* Смутное время и революция: политические параллели 1613–1917 г. Берлин: Двуглавый орел, 1923. 103 с.
- Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года / Предисл. Ю.Н. Емельянова. М.: Айрис-пресс, 2007. 272 с.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990.
- Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М.: Советская энциклопедия, 1973.
- Солоневич И.Л.* Великая фальшивка Февраля // Россия и революция М.: ФонДИВ, 2007. С. 324-374.
- Солоневич И.Л.* Еще о Феврале // Там же. С. 375-383.
- Струве П.Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: Сб. ст. о русской революции / Перепечатка издания 1918 г. М.: Новости, 1991. С. 277-297.
- Струве П.Б.* Познание революции и возрождение духа // Русская мысль. Кн. VI-VIII. Прага-Берлин, 1923. С. 302-311.
- Струве П.Б.* Размышления о русской революции: Публ. лекция, прочит. в ноябре 1919 г. в Ростове-на-Дону. София, 1921. 34 с.
- Платонов Дмитрий Сергеевич***, аспирант кафедры истории и теории исторической науки Российского государственного гуманитарного университета; *dr.dmsr2012@yandex.ru*